

ПРИМЕЧАНИЕ: В ПАМЯТЬ О РИЧАРДЕ ХЕЛЛИ

Хотелось бы начать с выражения благодарности помощнику главного редактора Растяму Алиеву и его коллегам за приглашение представить мою работу для публикации в русском переводе в этом великолепном журнале. Это вдвойне значимо, потому что статья была первоначально опубликована в 2008 году в номере, посвященном Ричарду Хелли, одному из ведущих ученых, с мировым именем, занимающегося социальной, экономической и правовой историей России периода Московского княжества. Местом публикации в 2008 году стал номер журнала «Русская история», в котором были представлены статьи, великолепно собранные и отредактированные группой лучших бывших учеников Р. Хелли, специализирующихся на русской истории. Ричард умер через год после публикации¹. Как и оригинальная статья, этот перевод – моя скромная дань уважения великому историку, человеку и учителю; а теперь, кроме того, его памяти — к десятой годовщине его кончины – и в России, стране, изучению которой он посвятил свою яркую и плодотворную жизнь.

Исследовательские интересы Ричарда Хелли касались такой особой темы, которая органично соединяет политику и власть, общество и отдельные социальные группы (с особым акцентом на подчиненное население — крепостных и рабов, право и законодательство (в целом и в той мере, в какой это касается социального расслоения и статуса) и экономику Московской Руси. Результат был отмечен множеством книг, каждая из которых была новаторской по своему предмету, бесчисленными статьями и книжными обзорами. Учитывая мои собственные интересы к данной проблематике, еще с того времени, когда я был аспирантом (но не утраченного вплоть до сегодняшнего дня), в том же широком спектре тем (правда, относящихся к более раннему периоду Средневековой Европы и к территории, расположенной западнее), я был рад и польщен, когда после моего переезда в Чикагский университет в качестве докторанта, Ричард оказался моим консультантом.

Я не могу сказать достаточно о качестве полученного опыта. Слова не могут адекватно выразить то, насколько Ричард был важен для меня как учитель, наставник, советник, комментатор моей работы — безжалостно откровенный, но всегда поддерживающий — и, в

---

¹ Великолепный, подробный памятный текст был написан Peter Bowman Brown, «Richard Hellie, 1937–2009: Monument to Early Russian Studies», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 58 (2010), pp. 145–149.

последующие годы, коллега и друг. Мое аспирантское пребывание в Чикагском университете началось в 1983 году с работы в качестве его помощника в его занятиях английским переводом монументального Московского законодательного акта «Соборное Уложение 1649 года» – свода законов русского права, латинского перевода того периода и его собственной английской версии. Это было великолепное, чрезвычайно желанное знакомство с университетом, с ним как с ученым, учителем и, что не менее важно, как с образцом поразительного, творческого трудолюбия, а со временем и знакомства с теми многими коллегами-аспирантами (ныне активными в профессии), которых он увлек и привлек для учебы под его руководством.

Мне действительно есть, что еще сказать... в данный момент я хотел бы подчеркнуть три момента моего восхищения и благодарности этому человеку. Первое: работа и трудовая этика. Может, у меня и был один-два учителя, таких же требовательных, как Ричард, но не на столько. Будучи веселым и добродушным, он всегда демонстрировал самые высокие стандарты выполнения хорошей работы – стандарты, которых придерживался сам и требовал того же и от других, включая его студентов. Во-вторых, Чикагский университет. Для меня Ричард открыл дверь всему, что может предложить это великолепное учреждение: глубокой, подлинной атмосферы единения интеллектуального профиля и академического климата, а также контактов со многими другими замечательными учеными, коллегами Ричарда.

Третье: средневековая Польша. Ричард принадлежал к тому замечательному поколению американских историков, под руководством которых изучение истории России за все время ее существования достигло полной академической и дисциплинарной зрелости. Для него и его коллег создание этой области, очевидно, было длительным и сложным процессом. Я убежден, что именно этот процесс – этот курс развития новой, отдельной, перспективной области – и является причиной того, что мой интерес к другому, но близкому государству средневековой и раннего периода Новой истории Европы, был принят в начале 1980-х г. доброжелательно и радушно им лично и, благодаря ему, в Университете. Тот факт, что сегодня ранняя история Польши также является заметной и привычной темой у коллег, думающих и пишущих на английском, в значительной степени произошло благодаря историкам поколения Ричарда и его энтузиазму. И теперь, оглядываясь на долгую работу и

влияние Ричарда, мне кажется, особенно уместным совершить полный круг и почтить его память словами по-русски.

*Петр Горецкий
Калифорнийский университет, Риверсайд*

A NOTE: IN MEMORY OF RICHARD HELLIE

I begin with special thanks to Rastyam Aliev and his colleagues for their invitation to submit my work for publication in Russian translation in this splendid journal. This is doubly poignant, because the article was originally published, in 2008, in a festschrift for Richard Hellie, one of the top scholars worldwide of the social, economic, and legal history of Russia in the Muscovite period. The venue of publication were that year's fascicles [выпуски] of the journal *Russian History*, superbly assembled and edited by a group of Richard's top former students specialized in Russian history. Richard died a year after that publication. Like the original article, this translation is my modest tribute to a great historian, human being, and teacher; and now, in addition, to his memory — at the tenth anniversary of his passing, and in Russia, the country to whose study he devoted his brilliantly productive life.

Richard Hellie's research interests are located at that very special place that joins seamlessly politics and power, society and social groups (with special emphasis on subordinate populations — serfs and slaves, law and legislation (generally, and insofar as it concerned social stratification and status), and the economy, of Muscovite Rus'. The output was marked by many books — each trailblazing on its subject — and innumerable articles and book reviews. Given my own interests as a graduate student (and ever since, right until today) in that same broad range of subjects (but earlier, and to the west, in medieval Europe), I was delighted and honored to move to the University of Chicago as a doctoral candidate, with Richard as my advisor.

I cannot say enough about the quality of the resulting experience. Words fail to express adequately how important Richard was, as a teacher, mentor, advisor, commentator on my work — ruthlessly candid, yet always supportive — and, in later years, colleague and friend. My graduate student stay at the University of Chicago began in 1983, with work as his research assistant on his English translation of the monumental Muscovite piece of legislation, the *Ulozhenie of 1649* — collating the legal language of the Russian original, a near-contemporary Latin translation, and his own English version in progress. This was a great, immensely welcome

introduction to the University, to him as a scholar, teacher, and — no less importantly — as a model of prodigious, creative industriousness, and, over time, to those many graduate student colleagues (now active in the profession) whom he attracted and recruited to study with him.

There really is much, much more to say... At this moment, I would like to highlight three markers of my admiration and gratitude. First: work, and work ethic. I may have had a teacher or two as demanding as Richard; but none more so. While cheerful and easy-going, he always projected the highest standards of getting good work done — standards to which he held himself, no less (in fact, if anything, more) than others, including his students. Second: the University of Chicago. For me, Richard opened the door toward all that that great institution has to offer: a deep, genuine interdisciplinarity of its intellectual profile and climate, and contact with many other remarkable scholars, Richard's colleagues.

Third: medieval Poland. Richard was part of that great generation of American historians under whom study of the history of Russia, across its full time span, reached full academic and disciplinary maturity. For him and his peers, that creation of a field had obviously been a sustained, challenging process. I am convinced that that process — that course of development of a new, distinct, distinguished field — is why my own interest in a different but nearby polity of medieval and early modern Europe, found in the early 1980s a hospitable and welcoming place, with him individually, and, thanks to him, in the University. The fact that today early Poland, too, is a visible, well entrenched subject among colleagues who think and write in English, is in large measure thanks to historians of Richard's generation — and, of his temperament. And so now, as I look back at the long duration of Richard's work and impact, it seems especially apposite for me to move full circle, and celebrate him and his memory in Russian.

Piotr Górecki
University of California, Riverside